

Поярков С.Ю.

ВКЛАД КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В СОДЕРЖАНИЕ И ДИНАМИКУ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

***Аннотация:** С позиции системного анализа политический режим служит функциональной характеристикой политической системы. Но сам по себе режим существовать не может – требуется содержательное наполнение, формирующее как способы, средства и методы достижения функциональных целей, так и сами функциональные цели политической власти. Конституционализм не только задает параметры этого функционирования, но и позволяет определять механизм политической власти, исходя из степени ее формирования как целостности. Проблема паритетности властных методов в динамике политической системы является ключевой в определении сущности и содержания политического режима. Наиболее важную роль в исследовании сыграл системный анализ. Это методология исследования объектов посредством представления их в качестве систем и анализа этих систем... Системный анализ сводится к уточнению сложной проблемы, ее структуризации в серию задач, детализации целей. На выбор этого подхода повлияли не только уже установившееся понимание конституционализма как сложного, многоэлементного и динамичного объекта исследования, взаимосвязанного с особенностями функционирования политической системы в целом, но и знакомство с научными исследованиями в области системного анализа. Как демократический, так и авторитарный режимы способны существовать в условиях конституционализма. При этом показателем уровня функционального развития политического режима выступает мера приближения его к идеалу конституционализма – конституционному государству. Соответственно, политическая практика становления конституционализма есть свидетельство развития политического режима вне формальных установок конституции государства.*

***Ключевые слова:** конституционализм, конституция, политический режим, политическая власть, демократический режим, авторитарный режим, властный метод, системный анализ, государство, гражданское общество.*

В современных условиях конституционализм позволяет упорядочить использование политической властью ее методов. Это определяется как изначальной параметризацией организации и функционирования политической власти, так и ее обеспечением адекватной институциональной подсистемой. Фактическая роль основных институтов конституционализма определяется степенью доминирования определенного властного метода. Так, несмотря на провозглашение республики в конституциях, фактический уровень развития института президентства во многих странах свидетельствует о приоритете авторитарного властного метода как отражения функциональной активности высшего должностного лица в государстве. Выступая и как противовес президентской власти, и как представи-

тельная форма народовластия, парламентаризм предопределяет существенную роль демократического метода. При этом только институт конституционного контроля способен обеспечить предусмотренное параметрами конституционализма надлежащее взаимодействие институтов президентства и парламентаризма. Фактически сложившееся в практике политической власти соотношение указанных властных методов является характеристикой существующего политического режима.

С позиции системного анализа политический режим служит функциональной характеристикой политической системы. Но сам по себе режим существовать не может – требуется содержательное наполнение, формирующее как способы, средства и методы достижения функциональных целей, так и сами функциональные

цели политической власти. Конституционализм не только задает параметры этого функционирования, но и позволяет определять механизм политической власти, исходя из степени ее формирования как целостности. Соответственно, политическая практика становления конституционализма есть свидетельство развития политического режима вне формальных установок конституции государства.

В конституциях подавляющего большинства современных государств находит формальное отражение демократический государственный режим. Сущностная характеристика демократического режима довольно четко обозначена Х. Линцем: «Демократия ... это законное право формулировать и отстаивать политические альтернативы, которым сопутствует право на свободу объединений, свободу слова и другие главные политические права личности; свободное и ненасильственное соревнование лидеров общества с периодической оценкой их претензий на управление обществом; включение в демократический процесс всех эффективных политических институтов; обеспечение условий политической активности для всех членов политического сообщества независимо от их политических предпочтений»¹. Так, согласно Конституции Австрии² существует специальная независимая Коллегия народной правозащиты, избираемая Национальным советом (одной из палат парламента) в составе трех членов на шесть лет, в которую каждый может обратиться с жалобой на недостатки в осуществлении федерального управления (ст. 148а–148ж Конституции). В Конституции Португалии³ правам, свободам и гарантиям политического участия посвящена целая глава (ст. 48–52). Конституционный закон Швеции⁴ «Форма правления» отмечает, что правление шведского народа основывается, в частности, на «свободном формировании мнений» (§1), и что общество должно

заботиться о том, чтобы демократические идеи оставались направляющими во всех общественных сферах (§2). В этой связи важно замечание Й. Шумпетера о том, что: «Демократия – это всего лишь метод, так сказать, определенный тип институционального устройства для достижения законодательных и административных политических решений»⁵.

Особенностью демократического метода является то, что современная политическая демократия – это такая система управления, при которой правящие несут ответственность перед гражданами за свои действия в публичной сфере и воздействуют на граждан косвенным путем, через конкуренцию и сотрудничество, осуществляемое избранными представителями граждан⁶. В противоположность этому, можно предположить, что существует определенная взаимосвязь между конституционализмом и авторитарностью. Она обуславливается возможностью конституционализма обеспечивать специфическую параметризацию авторитарного режима. Подтверждением этой мысли является позиция Х. Линца, который определял, что авторитарными являются политические системы, для которых характерен ограниченный, хотя и не иницируемый сверху, политический плюрализм, отсутствие разработанной и ведущей идеологии при наличии определенного типа ментальности, отсутствие широкой и интенсивной политической мобилизации, исключая отдельные периоды развития. Это – системы, в условиях которых лидер или узкая группа осуществляют власть в нечетко определенных, но вполне предсказуемых границах⁷. Часто авторитарные режимы определяют как правление силой⁸. Особенностью такого «правления» является второстепенность политического паритета применительно к легитимации политической власти. По мнению Дж.Маккоу, такое правление нужно отличать от тоталитаризма – общественно-политической системы, в которой правящая партия стремится реализовать принципы тоталитарной идеологии, т. е.

¹ Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown and Reequilibration. Baltimore, L., 1978. P. 5–6.

² Конституция Австрийской республики [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/160> (дата обращения 17.10.2013).

³ Конституция Португальской республики [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/141> (дата обращения 17.10.2013).

⁴ Конституция Швеции (Королевства Швеция) [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/161> (дата обращения 17.10.2013).

⁵ Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 321.

⁶ Шмиттер. Ф. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос. 2004. №2. С. 137–156.

⁷ Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. / Handbook of Political Science. Ed. by F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Vol. 3. Macropolitical theory, Mass. etc., 1975. P. 264.

⁸ Macridis R.C. Modern Political Regimes. Patterns and Institutions. Boston, Toronto, 1986. P. 13; Nisbet R. Authoritarianism. Prejudices. A Philosophical dictionary. Cambr., L., 1982. P. 18.

по возможности контролировать все сферы деятельности общества и управлять ими⁹.

Реализация политико-властной функции в современном обществе предполагает системное взаимодействие государства и гражданского общества. Именно степень паритетности при их взаимодействии в определенных рамках свободы и ограничения может определять приоритетность демократического или авторитарного метода. Р. Макридис указывает, что несмотря на рост взаимозависимости между государством и обществом, а также растущую деятельность государства, демократия, во всех ее разновидностях от либеральной до социалистической, обращает особое внимание на разделение сфер деятельности государства и общества¹⁰. Авторитарность, напротив, предполагает их объединение. Соответственно, проблема паритетности властных методов в динамике политической системы является ключевой в определении сущности и содержания политического режима. При этом необходимо отметить, что как демократический, так и авторитарный режимы способны существовать в условиях конституционализма. Замыкая связь, именно конституционализм предполагает возможность упорядочивания и стабилизации методов политического властвования в рамках того или иного режима.

Для демократического конституционализма, отмечает Н.С. Бондарь, характерно правовое закрепление согласованных интересов различных групп общества, а не радикальная победа одной политической силы над другой¹¹. Если демократические системы при всех имеющихся различиях объединены по критерию процедуры конкурентных выборов, то авторитарные режимы лишены какого-либо общего свойства. В частности, ст. 20 Конституции ФРГ определяет¹², что Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством. Вся государственная власть ис-

ходит от народа. Она осуществляется народом путем выборов и голосований, а также через специальные органы законодательства, исполнительной власти и правосудия. Конституция Италии¹³ 1947г. провозглашает Италию демократической Республикой, основывающейся на труде, и подчеркивает, что суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его в формах и границах, установленных Конституцией. В свою очередь, в Конституции Испании¹⁴ 1978г. постулировано: «Испания конституируется как правовое, демократическое социальное государство, которое провозглашает высшими ценностями правопорядка справедливость, равенство и политический плюрализм».

Один из основных законов, составляющих Конституцию Швеции, – «Формы правления» 1974 г. – сам термин «демократия» не использует, но раскрывает это понятие: «Вся государственная власть в Швеции исходит от народа. Правление шведского народа основывается на свободном формировании мнений и на всеобщем и равном избирательном праве. Правление осуществляется посредством государственного строя, основанного на представительной и парламентской системе, и посредством коммунального самоуправления. Государственная власть осуществляется в соответствии с законом».

Как отмечает А. Мельвиль, история становления и развития демократических норм и практик говорит о том, что демократия – это процесс, процесс развития, расширения и обновления идей и принципов, институтов и процедур¹⁵. Иными словами демократия является, по сути, постоянно идущим процессом демократизации государства, который и обуславливается становлением конституционализма. Вне его рамок демократизация приобретает форму идеализации будущего. Согласно У. Ф. Мёрфи, демократические теории и конституционализм, несмотря на некоторые общие основания, значимо разнятся. Демократическую теорию отличает моральный релятивизм, в то время как для конституциона-

⁹ Mackow J. Der Wandel des kommunistischen Totalitarismus und die postkommunistische Systemtransformation: Periodisierung, Problematik und Begriffe. // «Zeitschrift für Politikwissenschaft», Heft 4/1999, s.1347–1380, s.1349ff.

¹⁰ Macridis R. C. Modern Political Regimes. Patterns and Institutions. Boston, Toronto, 1986. P. 12.

¹¹ Бондарь Н. С. Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества // Журнал российского права. 2003. № 11. С.50.

¹² Основной закон Федеративной республики Германия [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/155> (дата обращения 17.10.2013).

¹³ Конституция Итальянской республики [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/148> (дата обращения 17.10.2013).

¹⁴ Конституция Испанского королевства [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/149> (дата обращения 17.10.2013).

¹⁵ Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999. С.17.

лизма характерен моральный реализм¹⁶. При этом Я.Э.Лейн¹⁷ определяет, что недостатком сильного конституционного государства является то, что оно способно до такой степени укрепить status quo, что это подорвет демократию. Характерные для сильного конституционализма механизмы (иммунитеты, квалифицированное большинство, судебный надзор) вступают в конфликт с теми требованиями, которым должны отвечать процессы принятия политических решений: нейтральности, анонимности и единообразия, или однозначной ответной реакции. Поэтому назначение демократических институтов и состоит в том, чтобы уберечь демократию от эволюции в диктатуру, гарантируя права меньшинства. В этой связи проблема согласования демократии и конституционализма относится к сфере должного, т.е. к нормативным проблемам конституционной теории¹⁸.

Проведенный Я. Э. Лейном анализ согласования конституционализма и демократии позволил определить, что конституционное государство лишь до известной степени может сочетаться с государством собственно демократическим. Государству, которое реализует слабую версию конституционализма, будет несложно приспособиться к демократии. На практике слабый конституционализм дополнит демократию, обеспечив большую стабильность политических решений. Сильный конституционализм способен прийти в столкновение с демократией, поскольку при нем может оказаться слишком много иммунитетов и чересчур большая инерция для того, чтобы социальные решения непосредственно отражали предпочтения граждан в соответствии с требованиями анонимности, нейтральности и однозначной ответной реакции. Поэтому необходимо отметить, что роль конституционализма в стабилизации демократического управления велика в кризисных обществах потому что ограничения налагаются на демократический выбор¹⁹.

Политико-правовая динамика конституционализма в современном обществе предполагает переход в понимании демократии от управления посредством

народа к управлению в соответствии с народными предпочтениями. Демократические режимы характеризуются не абсолютной, но высокой степенью ответственности: их действия находятся в относительно близком соответствии с пожеланиями относительного большинства граждан на протяжении длительного промежутка времени²⁰. Понятие «делегированной демократии», которое ввел Г. О’Доннелл²¹, как раз и позволяет уйти от авторитаризма к инсталляции демократическим путем выборного правительства (через учредительные выборы – founding election)²². В этом варианте демократии ключевую роль играет президент, избранный в ходе прямых выборов, с его именем население связывает большие надежды. Идеальной же моделью демократического режима можно представить либеральную демократию²³, предполагающую следующие ключевые положения: контроль за государством со стороны выборных органов власти; ограничение исполнительной власти властью других ветвей и конституцией; оппозиционное голосование и многопартийность в управлении; право меньшинств на отстаивание своих интересов в политическом процессе; возможность создания независимых объединений и движений; наличие альтернативных источников информации, реальная свобода индивидуумов в различных сферах; политическое равенство граждан перед законом, независимое правосудие, надежная защита граждан от вмешательства в их частную жизнь, наличие конституции.

Вывод А. де Токвиля о необходимости эффективной сильной государственной власти, политических институтов, и, одновременно, механизмов предотвращения деспотизма, самоорганизующегося гражданского общества для реального обеспечения равенства и свобод граждан подтверждает значимость конституционализма для формирования оптимальной модели политико-властных отношений. В своем исследовании он говорит о государственном деспотизме нового типа – всенародно избираемого деспотизма.

¹⁶ Murphy W. F. Constitution, Constitutionalism and Democracy // Constitutionalism and democracy: transitions in the contemporary world. Ed. by Douglas Greenberg & al. Oxford, 1993. P. 5–6.

¹⁷ Лэйн Я.–Э. Демократия и конституционализм // Полис. 1998. № 6. С. 32–49.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Issacharoff S. Constitutionalizing Democracy in Fractured Societies, Tex. L. Rev. 82, (2003-2004). P. 1861-1893.

²⁰ Lijphart A. Democracies. Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries. New Haven and London, 1984. P. 1–2.

²¹ G. O’Donnell. Delegative Democracy в: Larry Diamond/Marc F. Plattner (Hrsg.), The Global Resurgence of Democracy, Балтимор/Лондон, 1996 (2 издание). P.94-108.

²² Ibid. P.95.

²³ Даймонд Л. Определение и развитие демократии // Теория и практика демократии. Избранные тексты /Пер. с англ. Под ред. В.Л.Иноземцева, Б. Г. Капустина. М., 2006. С.29–30.

Власть и привилегии постепенно концентрируются в руках централизованной правительственной власти. При этом общественная жизнь оказывается задавленной политическими институтами, которые заявляют о своем праве представлять и защищать общество в его единстве. «Централизация без труда придает видимость упорядоченности в повседневных делах; при ней можно умело и обстоятельно руководить деятельностью полиции, охраняющей общество, пресекать небольшие беспорядки и незначительные правонарушения; поддерживать общество в некоем статус-кво, что, в сущности, не является ни упадком, ни прогрессом, поддерживать в общественном организме своего рода административную дремоту, которую правители обычно любят называть «надлежащим порядком» и «общественным спокойствием»²⁴.

С. М. Липсет особо акцентирует следующую особенность демократического режима: она заключается в регулярных конституционных возможностях для замены правительственных чиновников; это такой социальный механизм, который позволяет возможно большей части населения оказывать влияние на принятие важнейших решений посредством отбора кандидатов на политические должности²⁵. Например, в ст. 4 Конституции Польской республики²⁶ говорится, что верховная власть в стране принадлежит нации, которая осуществляет ее через своих представителей или непосредственно. В ст. 49 Конституции Мексики²⁷ отмечается, что никогда не могут быть объединены две или три ветви власти в руках одного лица или одной корпорации, а законодательная власть не может предоставляться одному лицу, кроме случаев, предусмотренных Конституцией.

Указывая на значимость конституции для становления демократического режима, К. Левенштайн отмечает, что ей противостоит семантическая конституция тоталитаризма, созданная для украшения этого режима, на практике ей не придается никакого значения²⁸. Согласно его мнению между ними нахо-

дится номинальная конституция, которая может уважаться политиками, но по своему значению она все же уступает нормативной конституции свободного демократического правового государства, поскольку фактическое положение дел не допускает или еще не допускает полной интеграции норм конституции в динамику политической жизни.

Принципиальным для становления демократического метода является провозглашение в ряде конституций идеи ответственности государства перед обществом. Так, в ст. 29 Конституции Аргентины²⁹ установлено, что акты, в результате которых жизнь, честь или собственность окажутся в зависимости от правительства или какого-нибудь лица, «полностью лишены силы, а лица, виновные в их издании, или согласившиеся с ними, или подписавшие их, привлекаются к ответственности и квалифицируются как бесчестные предатели Родины». Конституция Италии в ст. 28 устанавливает непосредственную ответственность должностных лиц и служащих государства и публичных учреждений за действия, совершенные в нарушение чьих-либо прав. В этой связи идея верховенства права является определяющим моментом деятельности политической власти. Например, органы публичной власти, говорится в Конституции Польши, действуют на основе и в границах права (ст. 7); страна соблюдает обязывающее ее международное право (ст.9). Часть 3 ст. 20 Основного закона ФРГ устанавливает, что законодательство связано конституционным строем, исполнительная власть и правосудие – законом и правом. В Конституции Австрии (ч. 1 ст.18) отмечается, что все государственное управление может осуществляться лишь на основании закона.

Существенную характеристику демократического режима предоставляет анализ многопартийности. Исходя из этого критерия, мажоритарным будет считаться режим, в котором партии сменяют друг друга, а правящая коалиция формируется по принципу большинства. Наоборот, в консенсусной демократии правящая коалиция формируется на основе пропорционального представительства пар-

²⁴ Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1994. С.86.

²⁵ Lipset S. M. Political Man. N.Y., 1960. P. 45.

²⁶ Конституция Республики Польша [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/112> (дата обращения 17.10.2013).

²⁷ Конституция Мексиканских Соединенных Штатов [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/51> (дата обращения 17.10.2013).

²⁸ Цит. по: Мачкув Е. Демократия, авторитаризм, тоталитаризм-устарела ли эта триада в учении о формах правления?

// Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте. Межрегиональный семинар, Великий Новгород, март 2000г.: Сборник докладов. М.: Изд-во Центра Конституц. исслед. МОНФ, 2000. С. 27-38.

²⁹ Конституция Аргентинской республики [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/358> (дата обращения 17.10.2013).

тий³⁰. Так, ст. 11 Конституции Польской республики обеспечивает свободу создания и деятельности политических партий, указывая, что они образуются «с целью влиять демократическими методами на формирование политики государства».

Конституция Аргентины в ст. 38 исходит из того, что «политические партии являются основными институтами демократической системы», и устанавливает свободу их создания и деятельности. Но признание и обеспечение указанной свободы не только не исключает, но и предполагает ограничение этой свободы по отношению к партиям и иным политическим объединениям. В Конституции Польской республики в ст. 13 запрещается существование политических партий и иных организаций, обращающихся в своих программах к тоталитарным методам и практике деятельности нацизма, фашизма и коммунизма, а также тех, программы или деятельность которых предполагает или допускает расовую или национальную ненависть, применение насилия в целях захвата власти или влияния на политику государства либо предусматривает сокрытие в тайне их структур или членства.

Политико-правовая практика различных государств опирается на конституционно формализованные положения, признающие существование политической оппозиции, степень конфликтности которой заключается в ее лояльности действующему режиму. В ст. 117 Конституция Португалии указывает, что за меньшинством признается право на демократическую оппозицию, что политические партии, представленные в парламенте, но не входящие в правительство, пользуются, в частности, правом на получение регулярной информации непосредственно от правительства о ходе решения основных вопросов, представляющих общественный интерес. По Конституции Бразилии³¹ (ст. 89) в Совет Республики при Президенте входят лидеры как большинства, так и меньшинства в Палате Представителей и Федеральном Сенате. В Конституции Колумбии³²

(ст. 112) за оппозицией закрепляется не только свобода критики правительства, но и право предлагать политические альтернативы, право доступа к информации и официальным документам, право участия в избирательных комиссиях, право на реплику в государственных средствах информации и другие. Тем не менее, существование лояльной оппозиции не может свидетельствовать не только о недостаточности демократических институтов, но и противоречии подобной политической системы конституционализму.

Активность политической власти может претерпевать значительные изменения по той причине, что власть способна изменять политико-правовую среду. В этой связи весьма актуальной становится независимость данной среды от поведения отдельных субъектов политической власти. По точному замечанию Р. Макридис, «в то время как изучение командной структуры всегда наделяет нас знанием того, каково её формальное устройство, изучение элиты почти всегда обеспечит нас информацией относительно отсутствующих (и иногда более важных) связей в организации, а именно – распределении и границах власти»³³. По-видимому, деперсонифицированный тип политической власти является ключевой категорией конституционализма, поскольку, если основанное на обычае или харизме подчинение совместным конкретным целям, в конечном счете, означает рабство, то подчинение абстрактным правилам (сколь бы тяжелым и казалось их бремя) наилучшим образом обеспечивает простор человеческой свободе и многообразию³⁴.

Однако все сказанное не отрицает необходимости существования политического лидерства, и, более того, предполагает его в видоизмененной форме, привязанной к конституционному статусу политического лидера, а не его личности. Отсюда, любые попытки отхода от данного положения влекут нарушение в системе конституционализма. Сводимость властных функций к личности не позволяет говорить о стабильности того или иного института политической власти, ибо приводит к уходу от понимания институтов как глубинных, исторически устойчивых форм социальной практики, обеспечивающих воспроизводство социальных

³⁰ Цитрин П. С. Западная демократия: основы стабильности. Научно-аналитический обзор. М. : ИНИОН, 1990. С. 7, 15; Lijphart A. Democracies. Patterns of Majoritarian Consensus Government in Twenty-One Countries. – New Haven and London, 1984. P. 21–36.

³¹ Конституция Бразилии [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/563> (дата обращения 17.10.2013).

³² Конституция Колумбии [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/48> (дата обращения 17.10.2013).

³³ Macridis R. C. Modern Political Regimes. Patterns and Institutions. Boston, Toronto, 1986. P.5-6.

³⁴ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М. : Новости, 1992. С. 112.

связей и отношений в разных типах общества³⁵. Аналогично и нивелирование в конституционализме и при анализе его функционирования эффекта нации, ее исторического и настоящего, ее привычек, менталитета и иных составляющих «национального духа» приводит к унификации и неполноте анализа, а, что еще хуже, непрогнозируемости поведения политической власти.

Еще Аристотель указывал, что законы следует издавать применительно к органически утвердившемуся государственному строю, а не подгонять государственное устройство под некий закон³⁶. В этой связи справедливо замечание Э. Панеях, что российские законы были отчасти списаны с чужих образцов, а отчасти созданы специально для того, чтобы сломить органично существовавшие ранее в обществе образцы поведения. В этой связи, к сожалению, следует признать точной высказанную К. Поппером мысль о том, что «воплотить в жизнь хорошее законодательство, превратить его в высшую власть в стране еще сложнее, чем его создать. Особенно трудна эта задача для России, которая на бумаге уже имела хорошие законы, оставшиеся, к несчастью, бессильными и неиспользуемыми»³⁷.

В данном случае представление о законах как фиксации устойчивого ядра жизнедеятельности

общества не обязательно соответствует действительности. Особенно ярко это проявляется в отношении конституционализма и конституции. Разрыв здесь проходит сразу по двум линиям. Российские законы часто не соответствуют, во-первых, нормативным представлениям акторов о справедливости и, во-вторых, привычному и естественному для них способу урегулирования конфликтов³⁸. Исследования показывают, что даже когда предписания закона более или менее известны, отечественные акторы их замещают или встраивают в привычные неформальные отношения. Возникает парадоксальная ситуация: универсальные нормы (права, морали) усвоены, но лишены практического смысла³⁹. Произвольное использование властных полномочий в сочетании со свободой, не ограниченной правами других, девальвирует практическую значимость данной конституционной нормы при исполнении публичных ролей. Оставаясь лишь знаемой, она замещается привычной, рассчитанной исключительно на круг «своих» людей⁴⁰. Это и ведет к коррупции и иным девиантным способам поведения политической власти и приводит к потребности использовать более суровые и неоправданные формы и методы реализации политико-властной функции не вполне адекватные сущности конституционализма.

Библиография:

1. Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown and Reequilibration. Baltimore, L., 1978. P. 5–6.
2. Конституция Австрийской республики [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/160> (дата обращения 17.10.2013).
3. Конституция Португальской республики [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/141> (дата обращения 17.10.2013).
4. Конституция Швеции (Королевства Швеция) [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/161> (дата обращения 17.10.2013).
5. Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 321.
6. Шмиттер. Ф. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос. 2004. №2. С.137–156.
7. Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. / Handbook of Political Science. Ed. by F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Vol. 3. Macropolitical theory, Mass. etc., 1975. P. 264.

³⁵ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. С.17.

³⁶ Аристотель Сочинения. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 488.

³⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 10.

³⁸ Панеях Э. Л. Неформальные принципы и формальные правила: закон действующий vs закон применяемый // Политическая наука. 2003. №1. С.37.

³⁹ Патрушев С. В. Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003. С.49–51.

⁴⁰ Хлопин А. Д. Российский социум: границы общностей и парадоксы их институциональной интеграции // Форум 2003. Социум и власть. М.: Мысль, 2003. С. 67–68.

8. Macridis R.C. *Modern Political Regimes. Patterns and Institutions*. Boston, Toronto, 1986. P. 13; Nisbet R. *Authoritarianism. Prejudices. A Philosophical dictionary*. Cambr., L., 1982. P. 18.
9. Mackow J. *Der Wandel des kommunistischen Totalitarismus und die postkommunistische Systemtransformation: Periodisierung, Problematik und Begriffe*. // «Zeitschrift für Politikwissenschaft», Heft 4/1999, s.1347–1380, s.1349ff.
10. Macridis R. C. *Modern Political Regimes. Patterns and Institutions*. Boston, Toronto, 1986. P. 12
11. Бондарь Н. С. Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества // Журнал российского права. 2003. № 11. С.50.
12. Основной закон Федеративной республики Германия [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/155> (дата обращения 17.10.2013).
13. Конституция Итальянской республики [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/148> (дата обращения 17.10.2013).
14. Конституция Испанского королевства [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/149> (дата обращения 17.10.2013).
15. Мельвиль А. Ю. *Демократические транзиты (теоретико–методологические и прикладные аспекты)*. М., 1999. С.17.
16. Murphy W. F. *Constitution, Constitutionalism and Democracy* // *Constitutionalism and democracy: transitions in the contemporary world*. Ed. by Douglas Greenberg & al. Oxford, 1993. P. 5–6.
17. Лэйн Я.–Э. *Демократия и конституционализм* // *Полис*. 1998. № 6. С. 32–49.
18. Там же.
19. Issacharoff S. *Constitutionalizing Democracy in Fractured Societies*, *Tex. L. Rev.* 82, (2003-2004). P. 1861-1893.
20. Lijphart A. *Democracies. Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty–One Countries*. New Haven and London, 1984. P. 1–2.
21. G. O'Donnell. *Delegative Democracy* в: Larry Diamond/Marc F. Plattner (Hrsg.), *The Global Resurgence of Democracy*, Балтимор/Лондон, 1996 (2 издание). P.94-108.
22. Ibid. P.95.
23. Даймонд Л. *Определение и развитие демократии* // *Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ. Под ред. В.Л.Иноземцева, Б. Г. Капустина*. М., 2006. С.29–30.
24. Токвиль А. *Демократия в Америке*. М.: Прогресс, 1994. С.86.
25. Lipset S. M. *Political Man*. N.Y., 1960. P. 45.
26. Конституция Республики Польша [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/112> (дата обращения 17.10.2013).
27. Конституция Мексиканских Соединенных Штатов [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/51> (дата обращения 17.10.2013).
28. Цит. по: Мачкув Е. *Демократия, авторитаризм, тоталитаризм-устарела ли эта триада в учении о формах правления?* // *Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте. Межрегиональный семинар, Великий Новгород, март 2000г.: Сборник докладов*. М.: Изд-во Центра Конституц. исслед. МОНФ, 2000. С. 27-38.
29. Конституция Аргентинской республики [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/358> (дата обращения 17.10.2013).
30. Цитрин П. С. *Западная демократия: основы стабильности. Научно–аналитический обзор*. М. : ИНИОН, 1990. С. 7, 15; Lijphart A. *Democracies. Patterns of Majoritarian Consensus Government in Twenty–One Countries*. – New Haven and London, 1984. P. 21–36.
31. Конституция Бразилии [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/563> (дата обращения 17.10.2013).
32. Конституция Колумбии [Электронный ресурс] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/48> (дата обращения 17.10.2013).
33. Macridis R. C. *Modern Political Regimes. Patterns and Institutions*. Boston, Toronto, 1986. P.5-6.
34. Хайек Ф. *Пагубная самонадеянность*. М. : Новости, 1992. С. 112.
35. Кирдина С. Г. *Институциональные матрицы и развитие России*. М. : ТЕИС, 2000. С.17.

36. Аристотель Сочинения. В 4-х т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 488.
37. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 10.
38. Панеях Э. Л. Неформальные принципы и формальные правила: закон действующий vs закон применяемый // Политическая наука. 2003. №1. С.37.
39. Патрушев С. В. Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003. С.49–51.
40. Хлопин А. Д. Российский социум: границы общностей и парадоксы их институциональной интеграции // Форум 2003. Социум и власть. М. : Мысль, 2003. С. 67–68.
41. Борисенков А.А. Политическая власть – политическая субстанция // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 6. – С. 193-217. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.806. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_806.html
42. Глигич-Золотарева М.В. «Увлечение общими местами» и ценностный компонент конституционализма // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 3. – С. 296-317. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.3.503. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_503.html
43. Борисенков А.А. Современная российская конституция о власти // NB: Вопросы права и политики. – 2014. – 1. – С. 19-44. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.1.10585. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_10585.html
44. Поярков С.Ю. Конституционализм как основа рациональной политической системы современного общества // Право и политика. – 2013. – 13. – С. 1882-1890. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.13.10094.
45. Н. М. Добрынин Размышления о проблемах становления правового государства в России. // Право и политика. – 2012. – 2. – С. 232-242.
46. Добрынин Н.М. Краткий очерк о судьбе российского конституционализма: о сущности, эволюции и неотложности конституционной реформы // Право и политика. – 2013. – 12. – С. 1737-1752. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.12.10142.
47. А.В. Безруков, Роль Президента России в механизме реализации конституционных принципов федерализма, единства государственной власти и разделения властей // Политика и Общество. – 2013. – 3. – С. 263-269. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.03.2.
48. Кочетков В.В.. Русские ценности и российская Конституция 1993 года. // Право и политика. – 2013. – № 13. – С. 1855-1865. DOI: .10.7256/1811-9018.2013.13.9736.
49. С. Ю. Поярков. Принцип разделения властей в идеологии российского конституционализма. // Право и политика. – 2009. – № 6

References:

1. Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown and Reequilibration. Baltimore, L., 1978. P. 5–6.
2. Konstitutsiya Avstrijskoi respubliki [Elektronnyi resurs] // URL:<http://worldconstitutions.ru/archives/160> (data obrashcheniya 17.10.2013).
3. Konstitutsiya Portugal'skoi respubliki [Elektronnyi resurs] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/141> (data obrashcheniya 17.10.2013).
4. Konstitutsiya Shvetsii (Korolevstva Shvetsiya) [Elektronnyi resurs] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/161> (data obrashcheniya 17.10.2013).
5. Shumpeter I. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. M., 1995. S. 321.
6. Shmitter. F. Budushchee demokratii: možno li rassmatrivat' ego cherez prizmu masshtaba? // Logos. 2004. №2. S.137–156.
7. Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. / Handbook of Political Science. Ed. by F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Vol. 3. Macropolitical theory, Mass. etc., 1975. P. 264.
8. Macridis R.C. Modern Political Regimes. Patterns and Institutions. Boston, Toronto, 1986. P. 13; Nisbet R. Authoritarianism. Prejudices. A Philosophical dictionary. Cambr., L., 1982. P. 18.
9. Mackow J. Der Wandel des kommunistischen Totalitarismus und die postkommunistische Systemtransformation: Periodisierung, Problematik und Begriffe. // «Zeitschrift für Politikwissenschaft», Heft 4/1999, s.1347–1380, s.1349ff.

10. Macridis R. C. *Modern Political Regimes. Patterns and Institutions*. Boston, Toronto, 1986. R. 12.
11. Bondar' N. S. Konstitutsiya, konstitutsionnyi kontrol' i sotsial'nye protivorechiya sovremennogo obshchestva // Zhurnal rossiiskogo prava. 2003. № 11. S.50.
12. Osnovnoi zakon Federativnoi respubliki Germaniya [Elektronnyi resurs] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/155> (data obrashcheniya 17.10.2013).
13. Konstitutsiya Ital'yanskoi respubliki [Elektronnyi resurs] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/148> (data obrashcheniya 17.10.2013).
14. Konstitutsiya Ispanskogo korolevstva [Elektronnyi resurs] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/149> (data obrashcheniya 17.10.2013).
15. Mel'vil' A. Yu. *Demokraticheskie tranzity (teoretiko–metodologicheskie i prikladnye aspekty)*. M., 1999. S.17.
16. Murphy W. F. *Constitution, Constitutionalism and Democracy // Constitutionalism and democracy: transitions in the contemporary world*. Ed. by Douglas Greenberg & al. Oxford, 1993. P. 5–6.
17. Lein Ya.–E. *Demokratiya i konstitutsionalizm // Polis*. 1998. № 6. S. 32–49.
18. Tam zhe.
19. Issacharoff S. *Constitutionalizing Democracy in Fractured Societies*, *Tex. L. Rev.* 82, (2003-2004). R. 1861-1893.
20. Lijphart A. *Democracies. Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty–One Countries*. New Haven and London, 1984. P. 1–2.
21. G. O'Donnell. *Delegative Democracy v: Larry Diamond/Marc F. Plattner (Hrsg.), The Global Resurgence of Democracy*, Baltimor/London, 1996 (2 izdanie). R.94-108.
22. Ibid. R.95.
23. Daimond L. *Opredelenie i razvitie demokratii // Teoriya i praktika demokratii. Izbrannye teksty /Per. s angl. Pod red. V.L.Inozemtseva, B. G. Kapustina*. M., 2006. S.29–30.
24. Tokvil' A. *Demokratiya v Amerike*. M.: Progress, 1994. S.86.
25. Lipset S. M. *Political Man*. N.Y., 1960. P. 45.
26. Konstitutsiya Respubliki Pol'sha [Elektronnyi resurs] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/112> (data obrashcheniya 17.10.2013).
27. Konstitutsiya Meksikanskikh Soedinennykh Shtatov [Elektronnyi resurs] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/51> (data obrashcheniya 17.10.2013).
28. Tsit. po: Machkuv E. *Demokratiya, avtoritarizm, totalitarizm-ustarela li eta triada v uchenii o formakh pravleniya? // Rossiiskii konstitutsionalizm: politicheskii rezhim v regional'nom kontekste. Mezhhregional'nyi seminar, Velikii Novgorod, mart 2000g.: Sbornik dokladov*. M.: Izd-vo Tsentra Konstituts. issled. MONF, 2000. S. 27-38.
29. Konstitutsiya Argentinskoi respubliki [Elektronnyi resurs] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/358> (data obrashcheniya 17.10.2013).
30. Tsitrin P. S. *Zapadnaya demokratiya: osnovy stabil'nosti*. Nauchno–analiticheskii obzor. M. : INION, 1990. S. 7, 15; Lijphart A. *Democracies. Patterns of Majoritarian Consensus Government in Twenty–One Countries*. – New Haven and London, 1984. P. 21–36.
31. Konstitutsiya Brazilii [Elektronnyi resurs] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/563> (data obrashcheniya 17.10.2013).
32. Konstitutsiya Kolumbii [Elektronnyi resurs] // URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/48> (data obrashcheniya 17.10.2013).
33. Macridis R. C. *Modern Political Regimes. Patterns and Institutions*. Boston, Toronto, 1986. P.5-6.
34. Khaiek F. *Pagubnaya samonadeyannost'*. M. : Novosti, 1992. S. 112.
35. Kirdina S. G. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii*. M. : TEIS, 2000. S.17.
36. Aristotel' *Sochineniya*. V 4–kh t. T. 4. M. : Mysl', 1983. S. 488.
37. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*. M., 1992. S. 10.
38. Paneyakh E. L. *Neformal'nye printsipy i formal'nye pravila: zakon deistvuyushchii vs zakon primenyaemyi // Politicheskaya nauka*. 2003. №1. S.37.
39. Patrushev S. V. *Vlast' i narod v Rossii: obnovlenie povsednevnykh praktik i varianty universalizatsii institutsional'nogo poryadka*. M., 2003. S.49–51.

40. Khlopin A. D. Rossiiskii sotsium: granitsy obshchnosti i paradoksy ikh institutsional'noi integratsii // Forum 2003. Sotsium i vlast'. M. : Mysl', 2003. S. 67–68.
41. Borisenkov A.A. Politicheskaya vlast' – politicheskaya substantsiya // NB: Problemy obshchestva i politiki. – 2013. – 6. – С. 193-217. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.806. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_806.html
42. Gligich-Zolotareva M.V. «Uvlechenie obshchimi mestami» i tsennostnyi komponent konstitutsionalizma // NB: Problemy obshchestva i politiki. – 2013. – 3. – S. 296-317. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.3.503. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_503.html
43. Borisenkov A.A. Sovremennaya rossiiskaya konstitutsiya o vlasti // NB: Voprosy prava i politiki. – 2014. – 1. – S. 19-44. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.1.10585. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_10585.html
44. Poyarkov S.Yu. Konstitutsionalizm kak osnova ratsional'noi politicheskoi sistemy sovremennogo obshchestva // Pravo i politika. – 2013. – 13. – S. 1882-1890. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.13.10094.
45. N. M. Dobrynin Razmyshleniya o problemakh stanovleniya pravovogo gosudarstva v Rossii. // Pravo i politika. – 2012. – 2. – S. 232-242.
46. Dobrynin N.M. Kratkii ocherk o sud'be rossiiskogo konstitutsionalizma: o sushchnosti, evolyutsii i neotlozhnosti konstitutsionnoi reformy // Pravo i politika. – 2013. – 12. – S. 1737-1752. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.12.10142.
47. A.V. Bezrukov, Rol' Prezidenta Rossii v mekhanizme realizatsii konstitutsionnykh printsipov federalizma, edinstva gosudarstvennoi vlasti i razdeleniya vlastei // Politika i Obshchestvo. – 2013. – 3. – S. 263-269. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.03.2.
48. Kochetkov V.V.. Russkie tsennosti i rossiiskaya Konstitutsiya 1993 goda. // Pravo i politika. – 2013. – № 13. – S. 1855-1865. DOI: .10.7256/1811-9018.2013.13.9736.
49. S. Yu. Poyarkov. Printsip razdeleniya vlastei v ideologii rossiiskogo konstitutsionalizma. // Pravo i politika. – 2009. – № 6